



Сегодня «Литературная Россия» публикует материалы, посвященные произведениям, выдвинутым на соискание Государственных премий СССР 1985 года.

ЯРКИЕ ВСПЫШКИ

О книге стихов

Константина Ваншенкина

«Жизнь человека»

ПОЭТИЧЕСКИЙ взгляд Константина Ваншенкина в его книге стихов «Жизнь человека», выдвинутой ныне на соискание Государственной премии СССР, похож на вспышки яркого луча прожектора, высвечивающего самые сокровенные уголки памяти.

Почему — вспышка, почему мгновенный укол острого, сильного света? Почему не ровный, спокойный, долгостоящий на одном месте свет внимания? Ведь был у К. Ваншенкина и длительный период ровного, спокойного свечения, период, принесший поэту заслуженную славу, — вспомним его стихи, его песни минувших лет: «Я люблю тебя, жизнь», «Алеша»... Но, видно, каждый истинный художник старается всемерно усложнить свою задачу, взвалить на себя новую работу. К. Ваншенкин стремится теперь так сжать, так сгустить стих, до такой концентрации довести поэтическую атмосферу, чтобы от словесной стихии повеяло озоном. Это очень нелегкий труд, требующий при ювелирном мастерстве большой смелости: так свести разнородные предметы, явления, состояния, так скомпоновать совершенно разные временные слои.

Соленый огурчик один
Запущался в длинном укропе.
А мы — среди чуждых равнин
Давно уже в старой Европе.
Кончается война, весна, в тылу поддели всю картошку и соленья. «Все ближе победная весть. Девчонки в смятенные высоком. Не голод, но хочется есть, Да бьет возбуждения током».

Моют окна, идут грозы, растет крапива у кирпичных стен, гуляют сквозняки, плетая трепещут, уже и ветер радостный пахнет пылью на лестнице, и где-нибудь в подвале в кадке осклизлой выныривает на свет в космах укропа этот последний огурчик, хорошенький, крепкий, зеленый, под цвет гимнастерки просоленной... А где-то там солдатик — молоденький, зеленый, под закопченными сводами старой Европы...

Да простит мне автор столь пространное толкование одной поэтической строфы, но сделано это с умыслом, чтобы наглядно показать, сколь многое вместились в нескольких строчках...

Сколько стихов о войне, о военное времени у Ваншенкина! Вот чья-то гибель:

«Холодная равнина. Обломки старых слог. Да смерзшаяся глина — Там, где раскидан снег. Негреющее солнце Над зимнюю травой... Пробиное сучко Шинелки фронтовой». Или вот о солдате, которого сдуру мальчишки-патрули могут в комендатуру забрать: «Ты, чучело, откуда? Позоришь! Внешний вид!.. — Он смотрит, дело худо, И вякнут норовей. — Да я из той метели. Бумага вот моя. Домой на две недели. Из госпиталя я...»

И рядом — бережная любовь к женщине: вот ремонтируют лифт, два уже немолодых человека, преодолевая сердечную усталость, поднимаются по лестничной клетке, путь неблизок, с лестничных маршей видно во время кратких передышек, как «Проспекты уходят в тьму, К окраинам, за кольцевую...», и герой го-

ворит то, что рада была бы услышать в подобной ситуации каждая женщина: «Давай твою сумку возьму, Давай я тебя поцелую...»

Вообще в стихах К. Ваншенкина предстает целая галерея женских портретов, высеченных с такой мучительной нежностью и грустно-ласковой добротой, с какой мало кому удастся из поэтов говорить. Даже судя о труде литератора, Ваншенкин применяет — невозможное, пожалуй, у другого — мерило: «Поверил вашей строчке, и даже не одной, — как верят малой дочке и женщине родной».

А рифмы в «Жизни человека»! О, этот особый ваншенкинский шик — кстати, неизменно хорошего вкуса — шик мастера, который может себе позволить самые головокружительные фигуры высшего пилотажа, эти рифмы: «стаял — стайер», «асфальта — офсайда», «траулер — траурен».

Просматриваются свои закономерности в композиции стихотворного повествования — все движется, переливается, как сама жизнь, из темы в тему: «Жизнь и смерть. Любовь. Природа». А поэма, давшая название всему сборнику, как бы еще раз подчеркивает это всеобщее движение, которому подчинена и сама жизнь человека: «Он мальчиком убыл, Он юношей прибыл с войны В отеческий угол, Где тополи в парке стройный».

Вещь эта требует самостоятельного анализа, пристального и непоспешного внимания критиков, которые возмущаются говорить о советской поэме последних лет. Мне же, закрывая обложку «Жизни человека», словно из надежного, доброго и праздничного дома затворяя за собой дверь, хочется еще раз процитировать К. Ваншенкина, радуясь тому, что —

...в книжке
Отсутствует
расслабленности след.
И эти кратковременные
вспышки

Куда острей,
чем прежний ровный свет.

Ольга ЕРМОЛАЕВА